

содержание которой, по мнению редакции газеты, не имело ничего общего с земской газетой [6, с. 67]. Такая же судьба постигла и другие местные земские газеты.

Таким образом, революционная ситуация 1917 г. способствовала высокой политизации периодической печати. Газеты этого времени содержат уникальный материал о политической деятельности земства и политических настроениях его гласных в критический период российской истории, существенно дополняя корпус делопроизводственных источников органов местного самоуправления. Этот материал, в частности, отражает восторженное отношение органов местного самоуправления к событиям Февральской революции 1917 г. Данное обстоятельство объясняется последующим значительным расширением полномочия земства и городских дум. Получив широкие возможности, они активно включились в политическую борьбу на стороне Временного правительства, поддерживая его вплоть до свержения в октябре 1917 г. С приходом к власти большевиков местное самоуправление вступает в противостояние с ними. Эту борьбу земства проиграла.

1. Герасименко, Г. А. Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. – М. : Наука, 1990. – 262 с.
2. Дергачёва, Л. Д. Историко-правовое исследование периодики и теории управления / Л. Д. Дергачёва // Вестник Московского университета. Серия История. – 1996. – № 4. – С. 79–89.
3. Дмитриев, С. С. Источниковедение русской исторической журналистики: (Постановка темы и проблематика) / С. С. Дмитриев // Источниковедение отечественной истории : сб. ст. за 1975 г. – М. : Наука, 1976. – С. 272–305.
4. Думы Урала. – Екатеринбург, 1917.
5. Есин, Б. И. О методике историко-журналистских исследований / Б. И. Есин // Методика изучения периодической печати. – М., 1977. – С. 3–9.
6. Кашаева, Ю. А. «Пермская земская неделя» как источник по изучению кустарных промыслов крестьян Пермской губернии начала XX века / Ю. А. Кашаева // Периодическая печать Пермской области: история и современность : материалы научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской печати. Пермь, 26 марта 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 66–68.
7. Ковтунова, А. В. Частная периодическая печать Таврической губернии как источник по социальной истории России конца XIX – начала XX веков : автореферат дис. ... канд. исторических наук / А. В. Ковтунова. – М., 2010. – 26 с.
8. Народная свобода. – Пермь, 1917.
9. Пермская земская неделя. – Пермь, 1917–1918.
10. Рынков, В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–51.
11. Черепенчук, В. С. Переворот адмирала А.В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 года и его отражение в российской периодической печати ноября-декабря 1918 года : дис. ... канд. ист. наук / В. С. Черепенчук. – СПб, 2010. – 196 с.

Назарова Е.Л.

ГАЗЕТА «KRIEVIJAS SĪŅA» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛАТВИИ 1918–1920 гг.

«Krievijas sīņa» (далее – КС) – основная «революционная пролетарская» газета латышских коммунистов в Советской России/СССР, издававшаяся с 1918 г., ставившая цель «вести пролетариат к революции» и воспитывать у читателей «пролетарский империализм» [35]. Читательская аудитория газета – латышская община в Советской России, которая к концу Первой мировой войны насчитывала от 700 тыс. до 1 млн. человек [1, с. 49–50 и др.]. Большую часть общины составляли беженцы и эвакуированные с предприятиями и учреждениями в 1915 г. В результате в латышской российской диаспоре выросло число рабочих, инженерно-технического персонала, а также интеллигенции. Тем не менее, как и раньше преобладали крестьяне. Кроме того, в России оказались полки латышских стрелков, сформированные в 1915 г. и ставшие наиболее надежными защитниками Советской власти. Но их преданность объяснялась не столько идейными убеждениями, сколько обещанием В.И.Ленина, что они вернутся домой после установления в Латвии советской власти [2, с. 342].

Большинство латышей хотели вернуться на родину, вне зависимости от политического строя в Латвии, среди латышских беженцев, особенно интеллигенции была весьма популярна идея независимости. Главными врагами для латыша были немецкие помещики, а не латышская буржуазия или крестьяне-землевладельцы. В отличие от них латышские коммунисты связывали возвращение беженцев в Латвию с установлением там советской власти. Газета подробно сообщала о событиях в Латвии, придерживаясь при этом в подаче информации «интересов пролетариата».

В сфере нашего внимания сведения за период с ноября 1918 г. по август 1920 г., когда в Латвии шла борьба за власть между большевиками и сторонниками независимого государства. Основное внимание в газете уделялось борьбе за советскую власть и Латвийской советской республике. Тема советской власти в Латвии в 1919 г. неоднократно рассматривалась в историографии, причем в советское время и в Латвийском государстве – с диаметрально противоположных позиций. Далеко не все аспекты этой темы исследовались обстоятельно и непредвзято,

такая работа еще предстоит. В докладе не ставится задача изучения этого периода латвийской истории. Цель настоящего исследования – рассмотреть КС в качестве источника по идеологическому воспитанию советских латышей. Хотя историки неоднократно обращались к материалам латышской прессы, в таком ракурсе газеты не исследовались.

В основе изложения материала лежал тезис большевиков о перерастании социалистической революции в России в мировую революцию. Ощущению неизбежности такого развития событий способствовали революции в Германии и в распавшейся Австро-Венгрии, а также подъем рабочего движения в крупнейших странах Европы [7; 23; 31]. Советская власть в Латвии считалась важным звеном в едином революционном фронте между Советской Россией и «Германской социалистической республикой» [8; 28]. Из Латвии открывался ближайший путь в революционную Россию, куда стремилась «мировая контрреволюция» в лице Антанты и германского империализма. Сторонниками их в Латвии были латышские «белогвардейцы» и «социал-предатели» меньшевики [12; 18]. То есть, на латышей возлагалась особая ответственность за победу мировой революции. Латыши в России должны были «вливать свежую струю своей крови в жилы» «богатыря Лачплесиса» [3]. Перед стрелками, отправившимися осенью 1918 г. в Латвию, стояла задача освободить оккупированные территории и от немцев, и «от контрреволюционных банд» и расчистить путь «между Красной Россией и Красной Латвией». При этом провозглашение в Латвии советской власти 17.12.1918 г. трактовалось как «восстановление» Советской Латвии [8; 25], поскольку начало советской республики отсчитывалось с момента провозглашения ее на II съезде Советов рабочих, стрелковых и безземельных депутатов в Валмиере 16–18.12.1917 г. А во время оккупации всей Латвии германскими войсками в феврале 1918 г. произошло лишь «временное отступление» советской власти. «Власть пролетариата» представлялась законной, в отличие от провозглашенной 18 ноября 1918 г. Латвийской республики и ее Временного правительства. Последнее называется незаконным, недееспособным и антинародным, полностью зависимым от германских империалистов и Антанты. Это правительство «серых баронов», «свинарей», «телятников», «комедиантов» и т.п. Слово «правительство» в КС обычно берется в кавычки, тем самым выражая сомнение в самой правомерности такого термина для данного органа. Точно также в кавычки берутся «общество», «гражданское общество», «так называемая республика», «демократическая» [5; 6; 10; 13; 24; 27].

Идея о независимом национальном государстве называется реакционной и выгодной международному империализму, при социализме оно «ненужно и лишне». Независимость рабочего класса должна быть не по национальному, а по классовому принципу: независимость от эксплуатации. Латвия виделась автономной частью РСФСР; без России невозможно восстановление хозяйства. Основные принципы конституции Советской Латвии были заимствованы из конституции РСФСР. Флаг и герб также в основном повторяли символы Советской России. Идея Конституционного собрания, выдвигаемая правительством Улманиса, характеризовалась как антинародная, как и «антинародный орган серых баронов» – Национальный совет [6; 11; 14; 15; 17; 20; 21; 29]. По образцу РСФСР создавался государственный аппарат, хотя и с учетом конкретной политической обстановки. Так, посчитали ненужным создавать Чрезвычайную комиссию, ибо в Латвии не ожидали такой сильной внутренней контрреволюции, как в Советской России [30]. Вместе с тем, в КС неоднократно упоминается о карательной деятельности Революционного трибунала.

Для латышей очень важна была информация о национализации в Латвии. Если национализация помещичьих земель должна была восприниматься с одобрением, то национализация всех предприятий (включая ремесленные) и всей торговли – с настороженностью, поскольку мелкое предпринимательство было весьма распространено, и популяризировалось латышской интеллектуальной элитой в годы войны [22, с. 210]. Тем более, не мог вдохновить латышей, народ, у которого желание иметь свою землю за много веков закрепилось на генетическом уровне, декрет о «социалистическом сельском хозяйстве». В бывших имениях создавались государственные хозяйства с наемной рабочей силой. Крестьянам-хозяевам государство отказывало в помощи, а если они сами не могли восстановить свое хозяйство, то должны были отдать землю в уезд для обработки специальными бригадами во главе с агрономами [32]. Диссонансом советской реформе звучало упоминание о раздаче земли нуждавшимся крестьянам на территории, подконтрольной правительству К. Улманиса. Данным сообщением КС, вероятно, хотела продемонстрировать лукавство латышской буржуазии, пытавшейся таким образом привлечь крестьян в свою армию. Но практика показала, что для латышей такое решение земельного вопроса оказалось более привлекательным.

Очень болезненным для беженцев был вопрос о возвращении на родину. Советское правительство поставило этот вопрос под жесткий контроль. В первую очередь нужно было пополнение в Красную армию Латвии. Те же стрелки, которые по возвращению в Латвии расходились по домам, объявлялись дезертирами [34]. Для укрепления партии, создания государственного аппарата и восстановления хозяйства из России посылали коммунистов и специалистов [9; 26]. При восстановлении предприятий в Латвии выяснилось, что необходимо хотя бы частичное возвращение эвакуированного оборудования. Но здесь обнаружили противоречия с российским правительством, отказывавшимся возвращать хотя и старые, но еще работавшие предприятия. Кроме технических и практических соображений, нежелание объясняли тем, что «истинные интернационалисты» не должны «делить предприятия между народами» [16; 26]. Вместе с этим откладывались и планы латышских рабочих этих предприятий вернуться домой. После поражения советской власти в Латвии желания латышских беженцев и латышских коммунистов не совпадали. Отступление считалось временным. Беженцы должны были вернуться только в Советскую Латвию. После подписания договора о реэвакуации 12.06.1920 г. в газете появились статьи, направленные на то, чтобы не допустить отъезд беженцев. Говорилось, в какие кабальные условия попадали вернувшиеся домой беженцы, и как они жалеют о своем решении [4; 19; 33].

В рамках доклада нет возможности рассмотреть все примеры «пролетарского» воспитания читателей газетой КС. Но и приведенного достаточно, чтобы оценить методы печатной пропаганды латышских коммунистов, которые по степени агрессивности риторики в отношении противника даже превосходили своих российских однопартийцев. При этом не думали, насколько «правильно» российскими латышами воспринималось толкование печатавшейся информации. Очевидно, что газета КС как источник по истории и коммунистической идеологии требует более детального изучения. Кроме того, исследование газетных материалов побуждает к более глубокому изучению того, как реально коммунистическая пропаганда в латышской прессе влияла на настроения в латышской советской общине, особенно в период оптации и массового возвращения латышей на родину в начале 1920-х гг.

1. Арент, К. П. Особенности миграции национальных трудовых ресурсов / К.П. Арент. – М. : МГУП, 2011. – 254 с.
2. Ленин, В. И. Речь перед латышскими стрелками / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 35.
3. Atgriešanas uz Latviju un starptautiskas socialistiskas revolūcijas fronte // № 200, 21.11.1918.
4. Bēgļi griež kažoku uz otru pusi in raud par silki // № 77, 27.07.1920.
5. Bērziņš, R. Partijas jautājums Padomju Latvijā // № 8, 14.01.1919.
6. Cīņa par neatkarību // № 195, 28.09.1919.
7. Cīņa par proletariāta diktatūru Vācijā // № 8, 14.01.1919.
8. Evalds. Latvijas atbrīvošana un latviešu komunistiskas sekcijas Krievijā // № 198, 19.11.1918.
9. Hermanis, J. Latviešu komunistu mobilizācija // № 5, 10.01.1919.
10. Latvijas buržuāzijas priekšstāvji ārzemēs // № 147, 25.07.1919.
11. Latvijas darba tautai // № 201, 22.11.1918.
12. Latvijas frontē // № 53, 29.03.1919.
13. Latvijas “komediānta” liktenis // № 61, 09.04.1919.
14. Latvijas konstitūcija un karogs // № 12, 18.01.1919.
15. Latvijas Nacionālā Padome // № 218, 12.12.1918.
16. Latvijas rūpniecības jaunradīšanas jautājumā // № 6, 11.01.1919.
17. Latvijas Sociālistiskās Padomju Republikas Satversme // № 22, 01.02.1919.
18. Latvijas strādniecības congress // № 8, 14.01.1919.
19. Latviešu strādnieki un “tautiska” demokrātija // № 237, 19.11.1919.
20. Latvijas un Krievijas attiecības // № 12, 18.01.1919.
21. Latvijas valsts // № 211, 04.1918.
22. Nazarova, J. The First World War and the Latvian National School / J. Nazarova // Sabiedrība, karš un vēsture: Pirmā pasaules kara militārās, politiskās un sociālās norises Baltijas reģionā. 1914–1918. (Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. XV) / Ju. Ciganovs. Rīga, 2014. – P. 208–220.
23. Nemiera viļņi Anglijā // № 19, 02.1919.
24. Pēdeja “partija” // № 7, 12.01.1919.
25. Rīgas ieņemšana // № 5, 10.01.1919.
26. Sarkanās Latvijas atjaunošana // № 20, 30.01.1919, № 22, 01.02.1919.
27. Soda diena Latvijā // № 222, 17.12.1918.
28. Starptautiskā revolūcija // № 234, 31.12.1918, № 3, 04.01, 1919.
29. Stučka, P. Mūsu uzdevumi pret Latviju // № 203, 24.11.1918.
30. Sudrabs-Lacis. Vai Latvijai vajadzīga arkārtejas komisija cīņā ar kontrrevolūciju? // № 3, 04.01, 1919.
31. Ungārijas revolūcija // № 49, 25.03.1919.
32. Valdmanis, R. Par ispostfītas saimniecības atjaunošanu // № 39, 09.03.1919.
33. Vēstule no pozīcijām // № 77, 27.07.1920.
34. Viksne, P. Krievijas komunistiskas partijas Latviešu sekcija un socialistiskā revolūcija // № 7, 12.01.19.
35. Viksne, P. Latviešu proletāriskie laikraksti Krievijā // № 76, 22.7.1920, № 77, 27.07.1920.